

Формула алхимика

Автор:

Игорь Лебедев

Формула алхимика

Игорь Геннадьевич Лебедев

Сыщикъ Ардовъ #3

Расследуя смерть студента, сыщик Ардов выходит на опального ученого-алхимика Горского, который сумел постичь тайну трансмутации золота.

Однако Горский умирает при загадочных обстоятельствах, а таинственная формула оказывается в руках злоумышленников, которые начинают шантажировать правительство. Они обещают с легкостью обвалить национальную валюту.

Кажется, что крах российской экономики неминуем. Обер-полицмейстер поручает Ардову выяснить, действительно ли пропавшая формула позволяет производить дешевое золото. От ответа на этот вопрос зависит судьба империи...

Игорь Геннадьевич Лебедев

Формула алхимика

© Лебедев И.Г., 2019

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Глава 1

Мадам Энтеви

Дрожащий свет керосинки, ограниченный большим бордовым абажуром, выхватывал из полумрака лакированную поверхность круглого стола, над которым зависло кольцо сцепленных рук.

– Близится срок... – раздался глухой, слегка грассирующий голос мадам Энтеви – грузноватой женщины, облаченной в чалму и черную хламиду; ее глаза были прикрыты, а лицо походило на посмертную гипсовую маску. – Энергия лучей Ориона просветит сознание... Тот, кто уцелеет, станет посвященным шестой расы. Именно он совершит Преображение...

Сообщение о визите в Петербург непревзойденной медиумистки мадам Энтеви появилось пару недель назад сразу во всех газетах. В журнале «Ребусъ» вышла статья на три разворота с подробным изложением невероятной биографии легендарной француженки с примерами особо значимых достижений. Помимо разговоров с душами умерших, мадам Энтеви славилась способностью материализовывать различных существ посредством источаемой из собственного тела эктоплазмы. В «Ребусе» были приведены фотоснимки, на которых весьма отчетливо различался не до конца сформировавшийся фантом бородатого мужчины в чалме и белых покрывалах, представлявшийся присутствующим Бьеном Боа. «Это было теплое, очевидно со своим кровообращением, физиологическими процессами (в частности, дыханием) тело, обладавшее индивидуальностью и волей, отличной от воли медиума, другими словами, новое человеческое существо! Это, несомненно, чудеснее всех чудес», – описывал фантом французский ученый Шарль Рише[1 - Шарль Робер Рише (1850–1935) – французский физиолог, исследователь спиритизма.], ведший наблюдение за медиумом на вилле Кармен в Алжире.

Мадам Энтеви пообещала дать в российской столице только три сеанса. Цены кусались. Однако после репортажа в «Ребусе» о первом сеансе оставшиеся билеты были раскуплены уже к полудню. Из заметки следовало, что в медиумическую мадам вне всяких сомнений вселялись подлинные души

усопших, ибо знать такие мелкие детали, такие интимные подробности своей земной жизни никто, кроме них, решительно не мог.

Спустя неделю, в пятницу вечером, счастливики собрались на второй сеанс в меблированных комнатах дома Агатовой в Гусарском переулке. Стол находился внутри шатра, образованного бордовыми бархатными полотнами ткани, поднимавшимися от пола к потолку, где сходились в единую точку над столом. Оттуда спускался шнур с большим абажуром, покачивавшимся над столом. Ни стен, ни окон, ни дверей видно не было.

Раздавались таинственные звуки, похожие на звон хрустальных колокольчиков, к которым подмешивался какой-то неясный скрип и постукивание.

Сеанс близился к завершению. Генеральша Сторожева уже успела испросить совета у покойного супруга, ехать ли ей одной на воды; дух генерала поездку благословил, а также поведал, что колечко, которое недавно пропало, на самом деле закатилось за часы на каминной полке – там и следует поискать.

– Есть часы! – просияла генеральша, обращаясь к собравшимся. – Тяжеленные, с места не сдвинешь: два пуда, не меньше. В гостиной стоят.

По просьбе банкира Калмана Натановича Герберга потревожили дух Майера Ротшильда – основателя банкирской династии, пользующейся непререкаемым авторитетом у финансистов всего мира вот уже более ста лет, с той поры, как он принялся обменивать монеты германских княжеств в своей франкфуртской лавке, из которой и вырос его первый банк. Услышанный неделю назад путаный рассказ золотопромышленника Ротова о неблагоприятных финансовых прогнозах, полученных на первом сеансе от духа Блаватской[2 - Елена Блаватская (1831–1891) – религиозный философ, считала себя избранницей неких духовных учителей (махатм), от которых получала знания.], вызвал у Калмана Натановича сильное беспокойство: купец уверял, что звезда теософии посоветовала ему сворачивать дела в России и срочно вывозить золото с приисков – куда угодно, но лучше в Лондон. Ротов уже заказал контрабандный канал в Китай, чтобы оттуда двинуть через Гонконг к берегам туманного Альбиона. Свести дело на шутку у Герберга так и не вышло: купец явно поверил покойнице: «Вы же понимаете, она сестра министра финансов, Витте[3 - Сергей Витте – министр финансов (1892–1903), осуществил введение в России денежной системы «золотого стандарта» (1897).], просто так болтать не станет – ей явно открыто большее».

Последним оставался профессор Горский. Он, как и купец Ротов неделей ранее, пожелал говорить с госпожой Блаватской – великая ученица белого братства тибетских махатм пользовалась на сеансах повышенным спросом. На сей раз старушка долго не подавала признаков присутствия. Пот крупными каплями катился по мясистому лицу медиумической мадам, казалось, она едва удерживается, чтобы не свалиться со стула. Наконец француженка начала бормотать какую-то мантру на санскрите, а потом уведомила о скором преображении человечества. Присутствующие благоговейно молчали.

– Чего не хватает в моей формуле? – выкрикнул профессор и подался вперед.

В этот момент стол медленно поднялся над полом не менее чем на фут и начал плавное вращение. Левитация мебели произвела сильнейшее впечатление на собравшихся. Раздались всхлипы и возгласы. Мадам Энтеви оставалась неподвижной, но от величайшего напряжения затряслась мелкой дрожью. Такой же дрожью задрезжали и чашечки на столе, из которых гостей угощали особым индийским чаем.

– Рецепт истинной сомы утрачен... – глухо произнесла она, повинувшись духу великой теософши. – Его нет ни в книгах, ни в преданиях. Даже великие раджи получают ложный сок.

– Пожалуй, нам пора заканчивать... – прошептал покрасневшийся штабс-капитан, пытаясь сохранять присутствие духа.

– Где? – воскликнул профессор. – Где взять рецепт подлинного сока?

– Оммм... – загудела низким голосом мадам Энтеви. – Ваджра-саттва-сама-я, ваджра-саттва-твено-па, бхава ману-пала-я, татхагата-ваджра-саттва...
оммммм...

Горский вырвал руки из медиумической цепи, схватил со стола приготовленный карандаш и принялся записывать слова мантры в миниатюрную книжечку, обтянутую вишневым бархатом.

Глава 2

Труп во дворе дома 119

Чиновник сыскного отделения третьего участка Спасской части Илья Алексеевич Ардов осматривал стены арки, ведущей во двор дома 119 по набережной Фонтанки. Под сводами было темновато. Старший дворник Сидоров водил фонарем, освещая участки, на которые устремлял взор сыщик. Стены были обильно покрыты пятнами крови, стекшей струйками вниз; имелись следы рук. Темнели пятна и на земле. Илья Алексеевич поднял с земли студенческую фуражку, повертел. Эмблемы не было.

Ближе к выходу во двор навзничь лежал труп молодого человека в старом офицерском кителе без погон, гимназических брюках и сандалиях. Голова была неестественно откинута в сторону, руки сжимали горло, рассеченное одним порезом от уха до уха. Гимнастерка на груди вся пропиталась кровью. У изголовья молча стоял городской и смотрел в сторону.

Криминалист Жарков поднялся от трупа и подошел к Ардову, указав на стену в том месте, где начинались кровавые потеки.

– Полоснули здесь, – начал он реконструкцию происшествия. – Убийца того же роста, что и жертва, – не ниже пяти футов четырех дюймов. Вероятно, поджидал на этом месте. Дождался, пока пройдет мимо, подскочил сзади и махнул.

Жарков показал, каким движением преступник нанес смертельную рану.

– Сопротивления не было. Убийца перерезал яремную вену, так что парень истек кровью буквально за мгновенья. Сделал пару шагов и... – Петр Павлович кивнул в сторону тела.

– Почему вы думаете, что ждал? – возразил Илья Алексеевич. – Преступник мог двигаться следом, а здесь нагнал.

– Если бы нагонял, жертва наверняка обернулась бы на шум. Такой чистой линии не получилось бы.

Криминалист провел ногтем большого пальца по своей шее, показывая, какой разрез был сделан на шее молодого человека.

– Ну, или были знакомы и шли вместе, – продолжил размышления Илья Алексеевич и наклонился, приметив что-то любопытное у себя под ногами.

– Пожалуй, возможно и такое, – согласился Петр Павлович. – Если полностью доверял спутнику, то мог и не придать значения маневру. Шли, беседовали...

Ардов поднял с земли и протянул коллеге дамскую шпильку с миниатюрным перламутровым цветком. Тот повертел ее в руках.

– Хм... Бог знает, сколько она здесь пролежала, Илья Алексеевич, – усомнился он, но все же извлек из кармана бумажный конверт и опустил в него улику.

Ардов подошел к бездыханному телу.

– Края пореза удивительно ровные, – отметил Петр Павлович, подойдя следом.

– Очень острый нож?

Криминалист пожал плечами:

– Не исключал бы и бритву. Трахея рассечена на редкость чисто.

– Выходит, убийца готовился заранее.

– Да уж, аффект не просматривается.

Сыщик обернулся к старшему дворнику и кивнул на труп:

– Вы его знаете?

– Никак нет! – с готовностью откликнулся бородач. – Не наш жилец.

– И не встречали?

– Не припомню, ваше благородие.

Ардов обратил вопросительный взгляд к городовому, тот отрицательно помотал головой – тоже не знает.

За спинами чинов полиции раздался грохот подводы, прибывшей под предводительством рыжебородого околоточного надзирателя Свинцова.

– Прикажете грузить, ваше благородие? – бодро справился он.

– Грузите.

Илья Алексеевич передал околоточному найденную фуражку и отправился осматривать двор вместе с Жарковым.

– Что ж ты, еловая душа, такие происшествия у себя допускаешь? – тут же насел Свинцов на старшего дворника, одновременно давая знак городовому и еще паре мужиков из домовой обслуги, стоявшим поодаль в ожидании команды к погрузке.

– Небывалое дело, господин околоточный надзиратель!

– За что ж мы тебе медаль давали? – не унимался Свинцов, находивший некоторое спасение от скуки, стращая старика. – Мы тебе медаль, а ты нам – пожалуйста: жмура при всем параде. Хороша благодарность. Ох и расстроится Евсей Макарыч... Ох и будет кричать... «Зачем же мы Даниле Аристарховичу медаль дали? – будет кричать. – Лучше бы Авдей Гаврилычу из 36-го дома дали! У него, поди, жмуры по подворотням не валяются. У него, поди, порядок в хозяйстве»...

– Прошу заметить, первый раз за тридцать шесть лет беспорочной службы! – не различив шуточного тона околоточного, дрогнувшим голосом взялся оправдываться старший дворник.

– Что же, что тридцать шесть, – гнул свое Свинцов, пряча улыбку в бороду. – Авдей Гаврилыч, поди, жмуры у себя не разбрасывает, от него такого не жди.

– У Авдей Гаврилыча третьего дня драка во дворе была! – заступился за своего начальника младший дворник, привлеченный к погрузке. – У них там водопроводчик жильца избил!..

Общими усилиями тело было перенесено на дубовые доски подводы, которые извозчик предварительно застелил клеенкой.

Глава 3

Напрасное пирронизирование

На обед Ардов отправился к княгине Баратовой, которая обожала крестника и требовала ежедневных визитов. По заведенной традиции прием пищи сопровождался музыкой, вытекавшей из шкатулки-аристона, ручку которой торжественно вращал старик-лакей в расшитой ливрее. Испещренные дырочками латунные диски в бумажных конвертах Баратовой регулярно присылала по почте швейцарская компания «Ehrlich Brevete», наладившая перфорированную запись последних музыкальных новинок Европы.

Анастасия Аркадьевна нуждалась в мнениях крестника по обширному кругу вопросов. Для начала обсудили предстоящий костюмированный бал английской знати в резиденции герцогини Девонширской на Пикадилли по случаю бриллиантового юбилея правления королевы Виктории. Фантазии англичан можно было позавидовать: барон Адольф фон Андре намеревался предстать в образе Бенвенутто Челлини, лорд Георг Родней пообещал облачиться в костюм короля Артура, а баронесса фон Андре решила нарядиться Дездемоной.

– Прекрасная идея, вы не находите? – справилась княгиня у гостя. – Надо бы посоветовать государыне. Между прочим, она без ума от старинных костюмов московского двора – все эти меха, кафтаны, жемчуга и самоцветы...

– Пожалуй, ей бы пошел костюм Марьи Ильиничны[4 - Мария Милославская – первая жена царя Алексея Михайловича.], – согласился Ардов, вспомнив иллюстрации Соломко[5 - Сергей Соломко – популярный в то время рисовальщик боярского прошлого России.] к «Сказке о царе Салтане» для издательства

Суворина.

– Государыня не прочь восстановить некоторые обряды тех времен, – слегка понизив тон, секретным голосом добавила Анастасия Аркадьевна.

– Через пять лет будет 290-летие дома Романовых, – поддержал Илья Алексеевич. – Прекрасный повод нарядиться в стрельцов и сокольничих.

Княгиня пришла в совершеннейший восторг от идеи маскарада при русском дворе и еще долго фантазировала, в каком костюме мог бы органично смотреться ее гарнитур из массивных изумрудов.

Далее коснулись вопроса целесообразности приобретения в конюшню гигиенически-экономического аппарата для кормления лошадей овсом производства фабрики проволочных изделий братьев Млынарских и обменялись мнениями насчет объявленной в «Ниве» подписки на 12 томов Боборыкина[6 - Петр Боборыкин – самый плодовитый русский писатель XIX века.].

– Писатель этот значительный, – размышляла вслух Анастасия Аркадьевна, – самим Толстым ценимый... Думаю, такого надо иметь в библиотеке. К тому же ведь это именно он ввел у нас понятие «интеллигенция». Вы как его понимаете? – ошарашила она собеседника непредсказуемым скачком мысли.

– Подразумевается некоторая образованность, – начал Илья Алексеевич под одобрительные кивки княгини. – И, пожалуй, такой взгляд на положение вещей, при котором предметом беспокойства выступают прежде всего интересы угнетенных.

– Прекрасное определение! – похвалила крестника Анастасия Аркадьевна и перешла к обсуждению слухов о девальвации и грядущих страшных потрясениях во всех денежных и хозяйственных делах империи из-за подготовленной Витте денежной реформы.

– Откровенно говоря, опасности снижения покупной цены кредитного рубля я не вижу, – поделился мнением Ардов. – При переводе денежной системы на золотой стандарт каждый рубль получит выражение в определенном количестве золота, а серебряная и медная монеты останутся разменными. При такой крепкой привязке к золоту обесценивание денег теоретически кажется невозможным.

Если только само золото почему-либо не утратит свою цену. Но это невозможно, потому что его мало.

Наконец, Анастасия Аркадьевна вспомнила и про свой визит недельной уже давности к французской прорицательнице мадам Энтеви, о котором все никак не удавалось поговорить с крестником. Ардов ощутил во рту неожиданные кисло-сладкие ноты тамаринда[7 - Тамаринд - экзотический фрукт семейства бобовых.] и с удивлением взглянул на картофельный рулет с грибами, вкус которого до этого казался вполне уравновешенным по части специй.

- Я считаю, что современное возрождение оккультических знаний на научных началах достойно всякого поощрения, - начала Анастасия Аркадьевна, явно напитавшись мыслями по данному вопросу из последнего номера «Ребуса». - Наконец-то современные ученые начинают мало-помалу обнаруживать всю вопиющую несправедливость порицательного отношения к таким явлениям, как магия и алхимия.

Княгиня прервалась в ожидании реакции. Ардов невозмутимо поглощал пищу.

- Вы не представляете, какие чудеса она вытворяет! - продолжила хозяйка, вернувшись к крабу с черной смородиной и баклажанами, обжаренными в квасе. - Баронесса фон Крюденваль желала узнать у покойного супруга, не оставил ли он после себя каких-нибудь тайных вкладов.

- Оставил? - осведомился Илья Алексеевич, понимая, что молчание не пройдет.

- Нет! - с некоторым вызовом ответила княгиня.

Илья Алексеевич даже растерялся. Он совершенно потерял направление сюжета и всерьез заинтересовался парадоксальным ходом мысли рассказчицы.

- Однако же он вспомнил, что незадолго до смерти получил сто рублей в уплату карточного долга, - насладившись произведенным впечатлением, наконец сообщила Баратова.

- Неужели мадам Энтеви материализовала эту ассигнацию?

Ардов знал, что Баратова обладает отменным чувством юмора, и потому нередко позволял в общении с ней ироническую интонацию. Княгиня ценила это свойство крестника и охотно подыгрывала, выбирая реакцию по настроению, – когда не замечала, представляясь глупышкой; иной раз показывала обиду, как делают обычно дамы, склонные к манипулированию кавалером; в другие же моменты демонстрировала такую острую реакцию, что Илья Алексеевич, совершенно обескураженный, не находился с ответом.

– Представьте себе, Илья Алексеевич! – отозвалась княгиня. – Не в прямом смысле, конечно. Хотя я бы и не удивилась, поскольку мадам Энтеви умеет материализовывать различных существ и предметы посредством источника из собственного тела эктоплазмы. Но в данном случае барон поведал супруге через медиума, что сунул ассигнации под горшок с магнолией на жардиньерке у себя в кабинете – да и забыл.

– А на том свете вспомнил? – усомнился Ардов.

– Вы напрасно пирронизируете[8 - Пирронизм – учение древнегреческого философа Пиррона из Элиды, основателя античного скептицизма.], Илья Алексеевич, – предвкушая победу, предупредила Анастасия Аркадьевна, – и сейчас будете посрамлены: после сеанса баронесса не поленилась заглянуть под горшок. И что вы думаете?

– Неужели нашла?

– Нашла. Четыре двадцатипятирублевых билета! Лежали целехоньки и ждали своего часа.

– Невероятно, – согласился Ардов и начал выбираться из-за стола.

– Я полагаю, полиции давно пора взять на вооружение последние достижения оккультической науки. Вы должны непременно посетить эту мадам Энтеви и составить личное мнение о ее способностях.

– Анастасия Аркадьевна, я не могу, у меня – труп! Мне убийцу надо искать.

– Ну вот у духа и спросили бы, – не отступала княгиня. – Остался единственный сеанс! В эту пятницу.

Глава 4

«Неудача – мать гения»

В третьем участке Спасской части текла размеренная жизнь – чины полиции принимали жалобы от пострадавших обывателей и оформляли задержания нарушителей законных требований властей. Большая часть таковых томилась в кутузке по причине беспаспортности. У которых паспорт имелся, но был просрочен, дожидались тут же отправки на родину по этапу.

Каждый переживал задержание по-своему. Простодушный хохол, прибывший в столицу для подачи какого-то неотложного прошения да прямо из присутствия угодивший в участок, сокрушался, что государству теперь придется расходовать на его отправку казенные средства, не говоря уж о том, что сам бы он доехал быстрее. Сидевший же рядом с ним бродяга, напротив, был вполне доволен задержанием, которое, как он признался, совершилось с ним уже в седьмой раз.

– Без паспорта хорошо, – потягивался он на лавке, мечтательно глядя в потолок, – заберут, накормят, одежонку дадут... С паспортом-то – хоть с голоду ложись помирай... Ты, дядя, не горюй – денька три посидим, отдохнем, поправимся... Потом в пересыльную отвезут...

– А там чы довго?[9 - А там долго ли? (укр.)] – насторожился хохол.

– Да недельки две подержат... А то и месяц... Армяк дадут, хороший, новый... Зимой – полушубок, валенки... Когда на место доставят, спросят: «Отдаешь шубу?» А зачем отдавать-то? Нет, мол, не отдам. Ну, и оставят тебе... Тут же на рынок, выручишь рубля три – если за армяк, а за шубу и пять можно, и обратно сюда, за новой шубой. Только тем и живу...

Хохол грустно вздохнул.

В приемной зале перед толстым полицейским чиновником Облауховым сидел на стульчике плюгавый мужичок в причудливом костюме монашеского покроя с жидкой бороденкой и выражением высшего благочестия, сильно контрастировавшим с явными признаками распутной жизни на лице. Стол был завален кучей вещественных доказательств обманного промысла: пузырьки с «иорданской» водой, щепки с «креста Господня», покрывала на гробы, образки и прочие священные предметы.

– Откуда добро, господин схимник? – спросил Облаухов, приготовившись заносить признания в протокол.

– Привезены мною из священного града Иерусалима, – смиренно молвил монашек.

– Ты ж говорил, что с Афона пришел.

– И там был, – не теряя достоинства, кивнул паломник. – Подвизался в исихастском делании.

Покопавшись в бумагах, Облаухов разыскал заявление купца Кораблина, из которого следовало, что означенный господин в монашеском облачении, представляясь отцом Ермогеном, вымогал три рубля в обмен на благословение лавки и обещания безубыточной торговли.

– В противном же случае угрожал заживо отпеть, – окончил он зачитывать показания потерпевшего. – Было?

– Напрасное заушение[10 - Заушение – оскорбление (устар.)], – ответил божий человек. – Оный купец меня сам в лавку заманил, потому как по моей праведности благодать и на других преизобильно истекает. Желал, нечестивый, через меня торговые дела свои исправить.

– Благодать? – хихикнув, уточнил Облаухов.

Монашек невозмутимо кивнул.

– Это ж когда на тебя благодать снизошла, Лейкин? – раздался голос околоточного надзирателя Свинцова, который хотел было прошмыгнуть к чайному столу в общей зале, но зацепился взглядом за знакомое лицо. – Наверное, когда со службы за пьянство погнали?

Смиренно-возвышенный вид монаха враз поблек. Он весь как-то обмяк и скукожился.

– Ишь ты, вырядился, – продолжил околоточный, – палку себе нашел.

Иван Данилович кивнул на посох с железным набалдашником в руках задержанного.

– Не понимаю, о чем глаголешь, сын мой... – на всякий случай проямлил мошенник упавшим голосом.

– Пиши, Константин Эдуардович, – обратился Свинцов к полицейскому чину, – бывший писарь конторы от строений Его Императорского Величества домов и садов Лейкин Кузьма Пантелеевич, изгнан со службы вследствие грубой распущенности и бездельничества.

Обличив жулика, специализировавшегося, как выяснилось, главным образом на «изгнании бесов» из приказчиков Сенного рынка, Свинцов прошел в общую залу, где свободные от дел стражи благочиния дули чай у подоконника.

Старший помощник пристава штабс-капитан фон Штайндлер принимал за своим столом генеральшу Сторожеву. Старушка явилась в участок, чтобы отозвать поданную три дня назад, в четверг утром 15-го дня сего месяца, жалобу в связи с пропажей колечка с изумрудом, которое преподнес ей незабвенный супруг незадолго до смерти по случаю юбилея свадьбы. Как выяснилось, колечко нашлось, что не могло не обрадовать старшего помощника пристава, так и не успевшего за прошедшее время начать расследование пропажи. Местоположение драгоценности сообщил сам покойный супруг, с духом которого генеральша имела возможность вступить в контакт на недавнем медиумическом сеансе в салоне мадам Энтеви.

Проходивший мимо стола Ардов на секунду остановился, внезапно ощутив во рту волну тамаринда. Вернувшись в памяти назад на несколько мгновений, он

догадался, что кисловатый привкус вызвало прозвучавшее имя медиумической мадам, о которой с таким восторгом только что за обедом отзывалась княгиня Баратова.

– Велел посмотреть за часами на каминной полке, – продолжала между тем генеральша. – А у нас и правда стоят такие, в виде кентавра, золоченые.

– Так... Когда это было? – невесть зачем решил справиться фон Штайндлер.

– Дык на следующий день, как пропало, – с готовностью доложила посетительница. – В пятницу! Тем же вечером велела сдвинуть эту тяжесть, и представьте! – колечко именно там и обнаружилось!

Женщина приложила платочек к влажным глазам. На пальчике блеснул изумруд в изящной оправе.

– Так, стало быть, закрываем дело? – на всякий случай уточнил старший помощник, едва скрывая радость от того, что преступление раскрылось само собой и теперь может быть представлено в отчете как результат исключительного усердия и беспримерного служебного рвения.

Генеральша кивнула:

– Точь-в-точь как предрек дух Александра Федоровича...

Илья Алексеевич двинулся далее, в прозекторскую, где Жарков заканчивал осмотр утреннего трупа, и последнюю фразу генеральши, наверное, уже и не слышал.

– Видите эти пятна? – указал криминалист на руки покойника на секционном столе. Ардов подошел ближе. – Это ожоги. Такие можно получить в ходе химических опытов.

Илья Алексеевич посмотрел на бурые участки через лупу.

– А это, – Жарков протянул книжку с потертой обложкой, – было заправлено сзади за ремень.

На потертой обложке можно было разглядеть название: «Альбрехт фонъ Герцееле. Происхождение неорганическихъ веществъ».

Ардов полистал.

– Это, кажется, о химии?

– Да, любопытное издание, – отозвался Петр Павлович, не переставая звенеть стеклом в настенном шкафчике, где в плоскодонной колбе хранилась бурая жидкость с острым запахом. – Автор весьма убедительно излагает, как растения могут превращать фосфор в серу, а магний в кальций. Трансмутация, одним словом.

Помимо всяких формул, накорябанных карандашом на полях, Илья Алексеевич обратил внимание на афоризм, записанный, судя по всему, рукой убитого на странице 33.

– «Если не верить в себя самого – нельзя быть гением», – прочел он вслух.

Опрокинув в себя пробирку Вюрца с бурой жидкостью, Жарков на мгновение замер, потом крякнул и обернулся. Его щеки тронул румянец, взгляд сделался маслянистым.

– Что вы сказали? – улыбнулся он нездешней улыбкой.

– Это, кажется, Бальзак? – не обращая внимания на привычные манипуляции с колбами, предположил Ардов и пролистнул еще несколько страниц.

Обнаружилось еще одно высказывание:

– «Неудача – мать гения». Хм, автора не припомню.

Жарков подошел к сыщику и молча уставился в надпись.

– Может, конечно, это совпадение, – наконец медленно и с некоторым удивлением проговорил он, – но эти изречения любил повторять один профессор, который читал нам в гимназии курс по химии.

Глава 5

Он больше не преподает

Жарков наотрез отказался следовать в альма-матер, не заглянув по пути в ресторанчик на Садовой, где в одном из залов была налажена система быстрого самообслуживания. Двигаясь вдоль стойки с умопомрачительным количеством готовых к употреблению яств, Петр Павлович остановил выбор на бутерброде с бужениной, но, подойдя для расплаты к буфетчику за стойкой, не выдержал и выхватил из верхнего ряда уже наполненную рюмку с крепительным напитком. Илья Алексеевич ограничился пирожком с брусникой.

Принятая порция зубровки и общая гастрономическая обстановка всколыхнули в памяти Жаркова обстоятельства первого своего посещения ресторана, которое состоялось как раз по случаю окончания последнего экзамена в гимназии – той самой, куда он взялся сопроводить Ардова.

– Решили всей компанией поехать в ресторан Зоологического сада, – ударился он в воспоминания, погрузившись в коляску и указав извозчику адрес. – Во-первых, это было вроде как за городом, во-вторых, там было варьете, а в-третьих, ресторан там считался недорогим.

Грохот колес по булыжной мостовой заглушал половину слов рассказчика, но Илья Алексеевич решил не переспрашивать, воспринимая голос спутника скорее как род мадригала[11 - Мадригал – вокальное сочинение для одного голоса.].

– Надо сказать, что визит такого рода был для нас делом необычным, мы понятия не имели, как подступиться. Встали у входа и шагу не смеем ступить. Помолчали, пошли гулять по саду – считать наши капиталы. Выяснили, что на праздничный ужин можем пустить по два рубля на человека. Хватит ли? Бог весть. Пошли обратно в ресторан. Метрдотель тут как тут – в смокинге, с

бантиком. «Что вам угодно, молодые люди?» Ну, объяснили ему, так, мол, и так, первый раз... «Все, – говорит, – устроим в лучшем виде, только скажите, сколько вас человек и какую сумму планируете ассигновать на празднество». Ну, сказали ему. «Возвращайтесь, – говорит, через полчаса». Пошли, стало быть, еще погуляли. Возвращаемся – мать честная! – испугались даже – длиннющий стол и весь уставлен как в сказке: бутылки, закуски, фужеры. Думаем: не ошибся ли? Как бы еще денег не потребовал. Но оказалось, всё было предусмотрено в пределах наших капиталов. Понятно, что портвейны были дешевые, шампанское суррогатное, закуски тоже не из дорогих. Но до чего ж красиво было подано! Какие этикетки на бутылках, какое оформление блюд...

Жарков даже причмокнул, вспоминая, как он уминал котлету, конфузливо поглядывая на эстраду, где высоко поднимала ноги полуголая шансонетка.

Гимназия располагалась по 1-й Роте Измайловского полка, во флигеле домовладения братьев Тарасовых. У младших классов занятия как раз закончились, поэтому по коридорам носились мальчишки в черных тужурках, затянутые в лакированные ремни. Из зала доносились звуки гимназического хора и духового оркестра – репетировали кантату для предстоящего праздника.

– Горский? – переспросил старичок в синем форменном сюртуке с белой бородкой, столкнувшись на выходе из комнаты для учебных пособий с двумя господами; в руках у него был макет додекаэдра[12 - Додекаэдр – объемная геометрическая фигура из 12 граней.]. – А вы по какому поводу интересуетесь?

– Евгений Янович, я Петр Жарков, выпускник вашей гимназии, – попытался расположить к себе учителя криминалист. – Вы читали у нас математику и геометрию.

– Ах, Жаркоо-о-ов... – старичок прищурился. – Это вы мне бюст Декарта расколошматили?!

Ардов досадливо сжал губы – как видно, Петр Павлович оставил по себе в гимназии не лучшую память.

– Не я, а Сорокин! – мгновенно отозвался Жарков голосом провинившегося ученика. – Причем пострадал только нос.

- Нос пострадал у Томского! - строго указал старичок и двинулся по коридору.

- Евгений Янович, я защищался!

- А у Декарта - и нос, и подбородок, и прическа... - продолжил обвинительную речь математик. - Пришлось заменить Паскалем. Вы осознаете разницу?

- Конечно!

Профессор остановился и обернулся в ожидании ответа.

Жарков набрал воздуха в легкие и замер, послав Ардову взгляд с мольбой о помощи.

- В отличие от Декарта, Паскаль не признавал всемогущество разума, утверждая, что не только разум, но и чувства также дают человеку познание истины - каждое в своей области, - пришел на помощь Илья Алексеевич, мысленно отыскав нужную страницу в «Истории математики отъ Декарта до середины XIX стол?тія».

Преподаватель оглядел незнакомца со снисходительным интересом, однако уловил в ответе явную попытку превознести Паскаля, которого, очевидно, недолюбливал.

- Скажите еще, что сердце - орган познаний, - проворчал он.

Вокруг стоял гвалт. Один младшеклассник, разбежавшись, проскользил на ранце по паркету и врезался в Жаркова, едва не сбив с ног.

- Пиноретов! - окрикнул гимназиста старичок.

Тот вскочил, быстро поклонился, изображая раскаяние, и помчался дальше, оглашая коридор воинственными возгласами.

- Так что профессор Горский? - позволил себе вступить в разговор Ардов.

– Он больше не преподает, – старичок продолжил путь по коридору.

– Умер?

– Вот еще, – фыркнул математик. – Он моложе меня на пять лет!

Не исключено, что старик воспринимал себя местным Декартом, а бывшего коллегу недолюбливал именно как разрушителя основ.

– Господин Горский всецело увлекся, как вы изволили выразиться, познанием истины... – в голосе Евгения Яновича проступили нотки обиды и даже раздражения. – Не мне судить, но, по-моему, этот процесс повлиял на него не лучшим образом.

Он остановился у двери в класс. Гимназисты сновали туда-сюда, с любопытством поглядывая на незнакомых посетителей. Раздался звук ручного колокола, который, шаркая по коридору, тряс над головой школьный сторож, как две капли воды похожий на Сократа. Звон давал сигнал к началу урока. Евгений Янович обозначил поклон, намереваясь завершить беседу и пройти в аудиторию, но Ардов проявил настойчивость:

– Где мы можем его найти?

– С квартиры он съехал еще полгода назад. Безвылазно торчит у себя в лаборатории. Это где-то за Обводным каналом.

– Нельзя ли получить точный адрес?

– Понятия не имею! Никаких контактов мы не поддерживаем. Он пытался было слать мне письма с просьбами предоставить некоторые реактивы, но эти прошения были оставлены без ответа.

– Простите, – не унимался Ардов, чувствуя, что все более раздражает своеенравного старика, – вы сказали «письма»? Очевидно, на конвертах был указан обратный адрес?

Учитель поморгал, не понимая, куда клонит визитер.

– У вас не остались эти конверты? – уточнил вопрос Жарков.

– Возможно, валяются где-то в столе, – пожал плечами математик.

– Евгений Янович, вы не могли бы посмотреть?

– Постараюсь. Зайдите через пару дней.

– Необходимо прямо сейчас.

В голосе Ардова неожиданно обозначились столь безапелляционные нотки, что профессор с удивлением уставился на него:

– Господа, у меня урок. Эти башибузуки разнесут класс, если кто-то не возьмет над ними власть, – старичок кивнул за дверь, где бушевала молодая энергия.

– Класс я возьму на себя, – уверенно произнес Ардов и обернулся к Жаркову. – Петр Палыч, вы не могли бы сопроводить господина профессора к его кабинету?

Сыщик излучал покой и уверенность. Помолчав, Евгений Янович хмыкнул, сунул ему в руки додекаэдр и заложивший закладкой учебник Воинова «Прямолинейная тригонометрия» и молча отправился к лестнице. Жарков поспешил следом, одарив Ардова взглядом, исполненным восхищения и поддержки. Сделав глубокий вдох, Илья Алексеевич ступил в аудиторию.

Глава 6

Пари

Шум на мгновение прекратился. На Илью Алексеевича устремились двадцать семь пар изучающих глаз. Он понимал, что, если не сумеет с первых же слов взять аудиторию в руки, шанс будет утерян безвозвратно.

- Предлагаю пари, - выпалил он.

Заявление вызвало интерес. Воспользовавшись выигранными мгновениями тишины, Ардов прошел к столу и опустил на него додекаэдр.

- Евгений Янович вернется через четверть часа. За это время каждый сможет получить по рублю, если сумеет меня обыграть.

Предложение вызвало явный интерес гимназистов. Илья Алексеевич жестом разрешил сесть. Воздух наполнился возбуждением.

- Человек любознателен, - начал он, стараясь скрыть подступившее волнение. - «Что?», «Откуда?», «Почему?» - эти вопросы волнуют его с древних времен. Память - один из предметов изучения человека. Пожалуй, это самая долговечная из наших способностей. Смее утверждать, что память не является отдельной, самостоятельной функцией, но всецело связана с личностью, ее стремлениями и интересами. Человек не просто впитывает все, с чем сталкивается каждое мгновение своей жизни, но также трансформирует, преобразует полученные сведения в своей душе и уже в таком - переработанном - виде отправляет на хранение. Можно сказать, что без памяти человек не имеет прошлого, а лишаясь прошлого, утрачивает и собственное Я, утрачивает личность.

В классе почувствовалось шевеление - гимназисты явно не понимали, куда клонит незнакомый господин, и, кажется, готовились взбунтоваться.

- Вот почему так важно тренировать и улучшать свою память, - возвысил голос сыщик.

- А как насчет пари? - не выдержал кто-то из наиболее смелых.

- Ах да, пари, - как будто опомнился Ардов. - Я намерен продемонстрировать вам особые свойства памяти как пример, к которому стоит стремиться. Сейчас каждый из вас по очереди подойдет ко мне, назовет свое имя и положит на этот стол какую-нибудь личную вещицу - неважно что. По окончании я берусь назвать имя хозяина каждого предмета. Если ошибусь - плачу наличными, - Илья Алексеевич вынул бумажник и эффектным жестом бросил на стол. - Идет?

Класс возбужденно загудел: пари обещало явное обогащение.

– А что от нас? – продолжил переговоры все тот же смельчак.

Ардов раскрыл полученный от профессора учебник на заложенной страничке и прочел заголовок параграфа.

– А вы в таком случае обязуетесь к следующему уроку заучить на память параграф 64 – «Выражение тригонометрических функций углов косоугольного треугольника через его стороны», – предложил Илья Алексеевич, рискуя вызвать бурю неудовольствия.

На удивление, никто не возмутился – очевидно, жажда близкой наживы притупила бдительность гимназистов.

Через три минуты на столе перед чиновником сыскного отделения образовалась кучка вещей из гимназических карманов – гнутый гвоздь, огрызок карандаша, пуговица, перочинный ножик, стальная пружинка, кофейная ложечка, игральная карта, спичечный коробок, гривенник, осколок зеркала, яблоко, папироска, жестянка с гуталином и тому подобные безделицы. Делая вклад в общую коллекцию, каждый представлялся: Иван Капитонов, Елизар Костюшкин, Степан Буланцев, Егор Кусаков...

Когда сбор ценностей был завершен, Илья Алексеевич попросил последнего как следует перемешать груды и извлек первый попавшийся предмет – это был обрывок шнурка. Некоторые хихикнули.

– Сие принадлежит Аристарху Карташову, – торжественно объявил он, словно вручал похвальную грамоту.

Объявленный ученик со смущением принял свою вещь обратно под удовлетворенное хмыканье одноклассников.

– Кусок эмблемы с гимназической фуражки, – описал следующий предмет Илья Алексеевич, почувствовав, что интонации циркового конферансье тут будут вполне уместны. – Прошу пожаловать Януария Попова.

К столу подошел Януарий – худющий белобрысый паренек с глуповатой улыбкой. Аудитория замерла, пытаясь распознать секрет фокуса.

– Так-с... А это что? Кажется, свинчатка, – начал входить во вкус Илья Алексеевич – напряжение постепенно спадало, ему на смену пришли непринужденность и даже некоторый артистизм. – За этой вещью прошу явиться... – он замер, изображая усиленную работу памяти, в чем, честно признаться, не было никакой нужды. – Прошу явиться – Людвига Даненберга!

По аудитории прокатилась волна восторга – кажется, присутствующие готовы были признать, что оказались свидетелями форменного чуда.

Когда Евгений Янович вернулся в класс, он застал учеников в полном смирении и покорности. Ардов дремал за столом, а у доски стоял отъявленный хулиган Караваев и, запинаясь, читал вслух 68-й параграф учебника Воинова:

– Для решения косоугольных треугольников применяют зависимости между сторонами и тригонометрическими функциями углов косоугольных треугольников...

Профессор от неожиданности поперхнулся и кашлянул. Докладчик обратил к нему покорный взгляд.

– Продолжай, Караваев! – поторопился Евгений Янович и удовлетворенно кивнул Ардову.

Илья Алексеевич встал, сделал легкий поклон классу и поторопился на выход, где у дверей размахивал конвертом Жарков.

Глава 7

Огненный шар

– А вы, Петр Палыч, оказывается, были драчуном, – подначил приятеля Ардов, расплачиваясь с извозчиком.

Экипаж доставил чинов полиции по адресу на конверте – к единственному жилому дому, затесавшемуся среди многочисленных складов в безлюдном Сукином переулке, расположенном вдоль железной дороги.

– Ни в коем разе, Илья Алексеевич! – бодро отозвался Жарков. – Дело касалось благородной девицы, про которую этот Томский распускал слухи. Согласитесь, я был обязан заставить его замолчать.

Оглядевшись, он направился к ступеням под ржавым навесом, которые вели вниз к подвальной двери:

– Скорее всего, это там...

– Ну, и местечко выбрал ваш профессор... – поежился Ардов.

– Познание истины не терпит суеты, Илья Алексеевич, – хохотнул криминалист и постучал в дверь.

На стук никто не ответил. Подождав, Петр Павлович подмигнул Ардову и негромко пропел «У любви как у пташки крылья», одновременно выстукивая ритм хабанеры в облупленные доски двери. Послышался шорох, потом шаги, и наконец дверь отпер бледный молодой человек с красными глазами.

– Вам к-кого? – запнувшись, спросил он, тревожно оглядывая незнакомцев.

– Юрия Александровича.

Из глубины раздался голос:

– Константин! Ну где же вы? Наш эксперимент, кажется, удался!

За спиной молодого человека возникла взъерошенная голова профессора Горского. Вид у него был усталый, но глаза горели пламенем.

– Это не Крючин, п-профессор, – поторопился предупредить ассистент.

Присмотревшись, Горский узнал бывшего ученика и не смог скрыть сожаления – визит незваных гостей был явно некстати.

– Жарков? Неожиданность. Вижу, не забыли наш тайный стук?

– Разрешите представить, Юрий Александрович, – чиновник сыскного отделения Ардов.

Жарков указал на спутника, тот сделал кивок. Горский в нерешительности переступил с ноги на ногу.

– Господа, я не располагаю временем... – начал было он.

– К сожалению, дело не терпит отлагательств, – мягко, но настойчиво прервал его сыщик и протянул книжку, найденную на трупе.

– Аладьин, вернитесь к тигелю, – приказал ассистенту профессор и, подумав, все же отступил в сторону, пропуская непрошенных посетителей внутрь.

В мрачном зале со сводчатым потолком была обустроена химическая лаборатория. Вдоль стен помещались полки с толстыми фолиантами и свитками, на длинном столе – множество разномастных колб. В центре зала возвышался очаг, рядом с которым на песчаной подушке располагался глиняный шар, похожий на пушечное ядро. Аладьин возился с ним, тайком разглядывая гостей. Горский пролистнул полученную от Ардова книгу.

– Да, это из моей библиотеки, – признал он. – Я подарил ее Крючину, он был моим помощником.

Сообщение о смерти, казалось, не сильно взволновало профессора.

– Жаль. Он был очень способный... Очень... Пожалуй, лучший мой ученик.

Услышав слова Горского, Аладьин бросил в сторону учителя полный ревности взгляд.

– У него были родные? – осведомился Илья Алексеевич.

- Насколько мне известно, он был сиротой.
- В таком случае вы не могли бы проследовать в участок?
- Зачем?
- Необходимо опознание, чтобы избежать ошибки.

Горский в замешательстве переступил с ноги на ногу.

- Мы начали важнейший эксперимент... - неуверенно пробормотал он, указывая на очаг, у которого колдовал Аладьин. - Шар должен пребывать в состоянии белого каления непрерывно в течение пяти дней и ночей.
- Ваш ассистент мог бы проследить за огнем в ваше отсутствие.

Горский помолчал, размышляя. Потом достал из жилетного кармана часы, посмотрел, что-то прикинул в уме, извлек из другого кармана небольшой пузырек с желтой жидкостью, встряхнул и посмотрел на свет.

- Хорошо, - наконец сказал он. - Обождите.

Профессор подошел к очагу, запрокинул голову к потолку и около минуты шевелил губами, после чего вылил содержимое пузырька в небольшое отверстие, которое, как оказалось, имелось наверху шара, и кивнул ассистенту. Аладьин запечатал дырку глиной, потом обхватил шар длинными щипцами и поместил в огонь.

Глава 8

«Очень даже эффектная»

- Да... это Крючин... - сказал профессор, едва взглянув на труп в прозекторской.

Жарков накрыл покойника тканью. Горский отвернулся от секционного стола.

- Сегодня утром он не явился в лабораторию... Это было странно, он отличался преданностью делу.

- Почему вы не обратились в полицию?

- Я очень рассердился! - Горский возвысил голос, и стало понятно, что смерть ученика вызвала в нем не столько жалость, сколько раздражение - будто Крючин предал своего наставника. - Мы готовились к этому опыту несколько лет, и он занимал важное место в работе. Я специально проверил гороскопы его и Аладына, чтобы убедиться, что неблагоприятные сочетания планет отсутствуют... И тут он пропал. Я решил, что виной тому его амурные похождения.

- Крючин встречался с девушкой? - оживился Ардов.

Профессор глубоко вздохнул, делая попытку успокоиться.

- Он не из тех, кого жалуют барышни. Но не так давно у него завязались отношения с одной особой.

Последнее слово Горский произнес с презрительной интонацией.

- Это вас раздражало? - спросил Ардов.

- А как вы думаете? - опять взвился ученый. - Он стал забывчив, несколько раз опоздал... Если вы хотите достичь выдающихся результатов в своем деле - вам следует отдавать всего себя, без остатка! «Усердие - всё!» - процитировал он Периандра[13 - Периандр - древнегреческий мудрец.].

Горский хотел добавить что-то еще, но взгляд его натолкнулся на покрытое покрывалом тело бывшего ученика.

- Теперь уж какая разница... - снизив тон, завершил он и посмотрел на часы.

- Где проживал Крючин? - спросил Илья Алексеевич.

- Не знаю... Где-то в Щепяном переулке. Господа, прошу прощения, я должен вернуться в лабораторию.

- А что за опыт вы проводите, Юрий Александрович? - не удержался Жарков.

- Пока рано об этом говорить, - ответил профессор, и глаз его загорелся желтым пламенем. Ему явно не терпелось поделиться, но он почему-то считал необходимым сдерживаться. - Первые результаты весьма обнадеживающие, - туманно намекнул он. - Весьма!.. Но - нам необходимо закрепить успех. Осталось несколько дней. Если все пройдет нормально, мир станет свидетелем научной сенсации.

С этими словами Горский пожал руку Жаркову и обернулся к Ардову.

- Юрий Александрович, а вы видели ту барышню? - отвечая на рукопожатие, поинтересовался сыщик.

- Какую? - не сразу сообразил Горский, направляясь к двери.

- На которой помешался Крючин.

- Да, - признал профессор, двинувшись по коридору на выход из участка. - Однажды он набрался наглости и притащил эту мадемуазель в лабораторию.

- Как ее звали, не припомните? - не отставал Ардов.

- Нет.

- Можете описать?

Горский остановился и задумался, словно пытаюсь вспомнить.

- Очень даже эффектная, - как будто с удивлением признал он. - Рыжие волосы, бледная кожа. Такая, знаете, воинственная эмансипе[14 - Эмансипе - женщина, отстаивающая равные с мужчинами права.].

– А чем она занимается?

– Понятия не имею.

Поклонившись, профессор стремительно вышел из участка. Ардов хотел было проследовать за ним, но из коридора в приемную залу вышел участковый пристав Троекрутов, собравшийся домой ввиду окончания рабочего дня.

– Ардов, как продвигается расследование? – громко поинтересовался он, демонстрируя подчиненным полнейший контроль, под которым содержится участок.

– Установлена личность убитого, – доложил сыщик.

– Это, конечно, очень хорошо, – одобрил Евсей Макарович и без лишних вопросов двинулся к выходу, полагая свои обязательства по надзору за расследованием вполне исполненными.

– Я думаю, убийство совершено в целях ограбления, – раздался голос старшего помощника пристава Оскара Вильгельмовича фон Штайндлера, который также вышел из общей залы в приемную. Господин штабс-капитан имел обыкновение высказывать свое мнение по любому вопросу, не очень заботясь о наличии к тому объективных оснований. Очевидно, ему казалось, что такая манера делает его в глазах начальства незаменимым работником, у которого каждый чих в участке под особым учетом.

– Маловероятно, – отозвался Ардов. – В кармане убитого найдены медные деньги почти на рубль.

– Ну и что? – оживился пристав, желая поддержать простую и понятную версию преступления. – Кто знает, что там еще было, в карманах-то? Может, там двадцать рублей было?

– Двадцать взяли, рубль оставили, – подхватил фон Штайндлер.

– В спешке не нашли, – проявив фантазию, объяснил нестыковочку пристав.

– Или специально оставили, – поддержал старший помощник.

– Чтобы пустить по ложному следу, – довершил описание версии Евсей Макарович, вполне довольный складностью найденного резона.

– Убитый работал ассистентом профессора химии. Доходы были более чем скромными, – попытался остудить начальственный пыл Ардов.

– И какая же версия вероятная? – с насмешливостью в голосе полюбопытствовал фон Штайндлер.

– Думаю, убийство как-то связано с тайной жизнью Крючина.

– Наверное, покойник состоял в масонской ложе? – уже с явной издевкой предположил старший помощник и посмотрел на начальника.

– Таких данных у нас пока нет, – невозмутимо ответил сыщик.

– Илья Алексеевич, я вас очень прошу... – вступил Троекрутов, сделав страдательное выражение лица. – Давайте без этих ваших... узоров...

Пристав нарисовал в воздухе фигуру неопределенной формы и в сопровождении Штайндлера покинул помещение. Ардов опустил на лавку.

Что имеем? В субботу Горский начал какой-то химический опыт, который сегодня завершился неким обнадеживающим результатом. Накануне вечером он отпустил помощников ночевать по домам с обязательством явиться к утру. Крючин почему-то вместо Щепяного переулка отправился к дому 119 по набережной Фонтанки, где и был зарезан. Кто его туда отправил? Не Горский ли? Но с каким поручением?... И почему встреча закончилась смертью парламентаря? Список жильцов дома 119 никаких подозрений не вызвал: в квартирке во дворе, состоящей из двух комнат и кухни, обитал слесарь с Варшавского вокзала с супругой; первый этаж занимала генеральша – одна в семи комнатах; во втором проживала семья приказчика из пяти человек; мансардный этаж делили два семейства – военного фельдшера и портного.

Глава 9

Бурые лягушки

– Как думаете, что за опыт проводит Горский? – подсел к Ардову Жарков.

Илья Алексеевич пожал плечами.

– Можете назвать книги, которые были в лаборатории? – не отставал Петр Павлович.

– Зачем вам?

– Сделайте одолжение.

Ардов мысленно вернулся в подвал и, приблизившись к полке, принялся зачитывать названия на корешках:

– «Герметическія фигуры» Клавдия де Доминико Челентано Валлес Нови, «Магическій архидоксъ» Филиппа Ауреола Теофраста Бомбаста фон Гогенгейма, «Розарій философвъ» Арнольда из Виллановы...

– А что за манускрипт лежал на столе?

Илья Алексеевич обернулся к столу как раз в момент, когда Аладьин торопливо сворачивал в трубочку листы богато иллюстрированной рукописи. Сыщик успел прочесть лишь заглавные буквы:

– «Splendor Solis».

– Блеск Солнца, – перевел Жарков и в возбуждении потер ладони. – Понятно...

– Что понятно? – вынырнул из «римской комнаты» Ардов.

Этот прием – мысленный возврат на место происшествия – Илья Алексеевич частенько применял в расследованиях, поскольку обладал уникальным свойством памяти – ничего не забывал и во всякий момент мог без труда восстановить в воображении любую картину из прошлого, чтобы рассмотреть ее в мельчайших подробностях, примечая упущенные ранее детали.

– Типичная библиотека алхимика, – заключил Жарков. – Так я и думал. Горский еще в гимназии был увлечен тайнами космического процесса творения, все твердил про четыре первоэлемента Аристотеля и пытался увлечь нас идеями постижения сущности человека и мира.

– А что такое «Блеск солнца»?

– Это средневековая рукопись. Работа состоит из 22 образов, включающих ряд из семи алхимических колб, каждая из которых связана со своей планетой. В пределах колб показан символический процесс трансмутации. У Горского конечно же копия манускрипта, но в данном случае это неважно.

– Горский увлечен трансмутацией металлов? – догадался Илья Алексеевич.

– Он проводит эксперимент по созданию золота! – воскликнул Жарков.

Петр Павлович пребывал в возбуждении, которое совершенно не разделял Илья Алексеевич.

– Ну и что... – пожал он плечами.

– Мы обязаны проследить за ходом этого исследования!

– Вот еще! Зачем это?

– Трансмутация золота – вопрос государственного значения.

– Прежде всего это не запрещено законом...

Ардов встал и направился к выходу. Жарков последовал за ним.

На улице уже зажгли фонари.

– Как вы не понимаете, – горячился Петр Павлович, – такие процессы нельзя оставлять без надзора!

– Послушайте, это же не подделка денег! – вяло отмахнулся Ардов. – А стало быть, ваш профессор может создавать свое золото без всякого надзора.

– Иногда вы ставите меня в совершеннейший тупик своими взглядами, Илья Алексеевич! – сдерживая раздражение, заметил криминалист. – Процесс трансмутации никак не регламентирован законами только лишь потому, что никому и в голову не приходило, что мечтания средневековых алхимиков удастся кому-либо воплотить в жизнь.

– А вы что же, верите, что это возможно?

– Я считаю, что это невозможно, – взяв себя в руки, рассудительно ответил Жарков, но тут же наклонился к уху Ильи Алексеевича и жарко зашептал: – Но Горский гений! Поверьте мне! Совершеннейший гений.

– Петр Романович, – строгим тоном осадил спутника Ардов, – в этом деле наша задача – найти убийцу несчастного студента. Заботы государственной важности давайте оставим государственным мужам высшего звания.

Жарков хотел было возразить, но сзади раздались шаги. Обернувшись, чины полиции увидели Аладьина, приближавшегося к ним как-то боком, нелепой подпрыгивающей походкой.

– Я насчет К-крючина... – заикаясь, выпалил студент. – Профессор ошибается.

– Что вы имеете в виду? – не понял Ардов.

– К-крючин был скользким типом.

Ардов и Жарков переглянулись. Аладьин все еще задыхался от быстрой ходьбы и нервно оглядывался. Его голос был каким-то мутным, болотным, а с каждой запинкой изо рта выскакивала маленькая лягушка. Сдерживая отвращение, Илья

Алексеевич наблюдал, как эти липкие бурые лягушки прыгали по плечам и голове юноши.

- Сильно сказано, - прокомментировал Петр Павлович, не зная, как еще прореагировать на необычное признание.

- Он м-меня избивал! - скривив лицо в гримасе боли, взвизгнул Аладьин и выплюнул очередную лягушку. - А этой кукле всю г-голову задурил!

- Кого вы имеете в виду? - насторожился Илья Алексеевич.

- Глебову! Он всё смеялся, мол, б-барышни - существа при-при-митивные.

Шлеп, шлеп - еще пара лягушек бурыми кляксами вылетели изо рта Аладьина. Ардову стоило труда не подавать виду.

- А чем эта Глебова занимается?

- Она натурщица в художественном училище... Не понимаю, что она в нем нашла.

- Господин Аладьин, - вступил Жарков, - вас можно заподозрить в зависти.

- Какая, к черту, зависть?! - отбросил приличия студент. - Он был м-мерзавцем. Один раз я застал его за изготовлением субстанции, которая не имела отношения к нашим опытам.

- А в чем суть ваших опытов? - решил все-таки осведомиться сыщик.

- Я не м-могу раз-раз-глашать...

Аладьин смутился и потупился.

- Извините, мне нужно возвращаться в лабораторию, - пробормотал он. - Опыт нельзя п-прерывать.

Помощник профессора скрылся так же неожиданно, как и появился.

Коллеги постояли в молчаливом недоумении.

– Неожиданное явление, – резюмировал Петр Павлович, закуривая папироску.

– Водяной какой-то, – пробормотал Илья Алексеевич, приходя в себя после нашествия лягушек.

Глава 10

Лысый, худой, со шрамом

Ардов шел по гулкому коридору художественного училища, за ним едва поспевал старичок в мундире бутылочного цвета с бархатным воротником.

– Ради бога, извините, ваше благородие, – тараторил служитель. – Я думал, вы художник. Тут ведь глазом не успеешь моргнуть – сманят натурщицу! С ними нынче тяжело. А и всегда тяжело было. До реформы вообще с мужчин писали, можете представить? У нас не Италия, пойдя сыщи, которая встала бы на натуру из любви к искусству. А ведь они и получают у нас вдвое больше мужчин. Да все равно... Даже если из простого звания – никак не уломаешь. А если и удастся, глядишь, через месяц она уже за какого-нибудь художника выскочила.

Илья Алексеевич остановился возле дверей в натуральный класс. Старичок приоткрыл створку. В проеме открылась просторная аудитория, уставленная мольбертами, за которыми корпели будущие мастера живописи. На помосте возлежала обнаженная модель, едва прикрытая туникой. Девушка с рыжими волосами держала в руке яблоко, напоминая собой прямо-таки библейскую Еву.

– Мадемуазель Глебова – наше сокровище! – негромко проворковал старичок.

Ожидая окончания натурального класса, Илья Алексеевич согласился на краткую экскурсию по училищу. Служитель продолжал тараторить, словно опасался, что господин сыщик может объявить во время паузы нечто ужасное.

- Судите сами: на экзамен четвертого возраста дают сюжет «Улисс и Навсикая», а ведь там сплошь барышни в драпировках – это, считай, обнаженная натура. Как прикажете изображать, если студенты в классах этой природы в глаза не видели! Пришлось менять на «Самсона, преданного Далилою филистимлянам» – там по преимуществу мужские фигуры, женская одна только...

Улучив момент, Ардов все-таки успел задать интересующий его вопрос.

- Крючин? – переспросил старичок, снял пенсне и замигал глазами. – Конечно, знаю! Милейший, обходительнейший молодой человек.

Учитывая вчерашние признания Аладьина, ответ Илью Алексеевича удивил.

- Он ухаживает за госпожой Глебовой, – доверительно продолжил старичок, – частенько поджидает ее у входа с цветами. Вы знаете, он увлекается химией и однажды сказал мне, что благодаря этой науке намерен разбогатеть.

Подойдя к каморке, отведенной натурщикам для переодевания, Илья Алексеевич кивнул провожатому, разрешая оставить его и заняться своими делами. Выждав, он постучал. Ответа не последовало, хотя за дверью послышалось явное движение, даже скрипнула половица. Не дождавшись ответа, Ардов отворил дверь и ступил внутрь.

Едва он открыл рот, чтобы сообщить о цели визита, как почувствовал, что его шею коснулось что-то холодное. Илья Алексеевич замер. «Неужели это она?» – с досадой подумал он, представив, как сейчас острое лезвие разрежет ему горло.

- На сладенькое потянуло? – резанул голос темного серебра у самого уха.

Ардов почувствовал, как белый пластрон[15 - Пластрон – манишка.] на груди стал напитываться горячей кровью из разрезанной шеи.

- Я из полиции, – стараясь не терять самообладания, успел просипеть он.

Рука с лезвием отстранилась.

– Простите, – опять дрогнул темным блеском голос. – Я думала, вы очередной липовый антрепренер. Тут ходят, знаете...

Помолчав мгновение, Глебова вышла из-за его спины. Илья Алексеевич посмотрел себе на грудь – крови не было. Потер шею – цела, слава богу. Очевидно, это голос. Он был острый, поблескивал в темноте металлическим отсветом – такие иногда встречались Ардову, о них можно было порезаться.

– Меня интересует Крючин. Вы ведь знакомы?

– Я к его темным делишкам отношения не имею, – сухо ответила натурщица и прошла за ширму, чтобы продолжить облачение – она была полураздета.

Отброшенное на столик оружие оказалось бутафорским кинжалом довольно неуклюжей работы.

– Его убили, – сказал Илья Алексеевич.

Девушка вышла из-за ширмы и непонимающе захлопала глазами.

– Как убили? Кто?

– Вот и я хотел бы это узнать, – Ардов протянул Глебовой платье, лежавшее на фанерной полуколонне. – Рассчитываю на вашу помощь.

Из глаз Глебовой покатались слезы. Зайдя за ширму, она принялась нескладно втискиваться в одежду.

– Сколько раз... – забормотала она, – сколько раз...

Илья Алексеевич уронил себе на ладонь несколько белых крупинок из миниатюрной колбочки, которая имела у него на кожаной наручи под левой манжетой, и отправил в рот.

– Когда вы видели Крючина?

Хоть это было и невежливо, но чиновник сыскного отделения решил не дожидаться завершения туалета, полагая, что именно сейчас, в растрепанных чувствах, свидетельница будет максимально откровенной.

- Последний раз - в четверг, - всхлипнула девушка.

- О чем говорили?

- Да так... Костя сказал, что они с этим своим сумасшедшим профессором начинают какой-то грандиозный эксперимент.

- Сумасшедшим?

- А разве нет? - голос Глебовой опять заискрился. - Угрозило же его подпасть под влияние этого индюка. Вы его видели?

Глебова на мгновение выглянула из-за ширмы. Ардов успел кивнуть.

- Крючин потрясающе талантлив! Но месяц назад он бросил университет и поступил в услужение этому капризному старику. В рабство! Полное и безоговорочное! Сколько раз я его просила... умоляла... Нет! Пропадает там сутки напролет, собственной жизни для него не существует.

Наконец натурщица появилась из-за ширмы - растрепанная, с мокрыми глазами.

- Не существовало... - поправилась она.

- Каким вы нашли Крючина на той встрече?

Глебова села за миниатюрный столик, установила зеркальце и принялась приводить в порядок копну рыжих волос. К ней постепенно возвращалось самообладание.

- Пожалуй, он был обеспокоен... Точнее, возбужден - не мог говорить ни о чем другом, кроме этого своего эксперимента, все восхвалял учителя... Говорил, что они изменят мир...

- Прошло уже четыре дня, - отметил Ардов. - Вас не удивило отсутствие вестей от него?

Глебова бросила на сыщика полный недовольства взгляд, но удержалась от колкости.

- Во-первых, он предупредил, что во время опыта будет неотлучно торчать в лаборатории - а опыт должен был продлиться несколько дней.

- А во-вторых? - спросил Ардов, когда счел, что пауза затянулась.

- А во-вторых... мы поссорились, - призналась Глебова упавшим голосом.

Помолчав, она обвела глазами каморку:

- Крючину не нравилась моя работа, он требовал, чтобы я ее бросила.

- А вы?

- А что я? - она вспыхнула. - Я сирота! На какие средства прикажете существовать?

Было видно, что эта тема уже давно стала для девушки предметом раздражения, с которым она не сумела справиться и на этот раз. Отвернувшись, Глебова принялась нервными движениями заталкивать в сумочку дамские мелочи, валявшиеся на столике.

- У вас нет родных? - спросил Ардов дрогнувшим голосом.

Несколько лет назад он сам потерял отца при весьма трагических обстоятельствах и потому испытывал особую приязнь к людям, пережившим потерю близких.

- Дядя еще жив, - уточнила Глебова, - но он сошел с ума. Когда-то он был ученым, путешествовал по Индии... Искал секреты вечной жизни. Однажды ему дали там отведать какое-то зелье, и...

– И что же случилось?

– Он считает, что ему открылись тайны мира. Возможно, это и так, но... расплата оказалась жестокой. Дядя лишился рассудка.

– Где он сейчас?

– В лечебнице для душевнобольных святого Николая Чудотворца.

– А у Крючина остались родные?

– Он тоже сирота. Говорю же вам, денег не хватало на самое необходимое! Собственно, поэтому он и связался с этими негодьями.

– О ком вы?

После секундного замешательства Глебова развернулась, приблизилась к Ардову и горячо зашептала:

– Они хотели получить от него краску! Он же химик. Краску для изготовления ненастоящих денег.

– Фальшивых?

– Да! Он говорил мне, что для банкнот необходим совершенно особенный состав и он знает, как его получить. Я умоляла его порвать с этими негодьями, и он обещал...

Глебова на мгновение замерла, словно постигла какую-то тайну.

– О господи! – воскликнула она и приложила ладони к губам. – Да ведь это же из-за нее! Из-за этой краски! Он отказался – и его убили! Чтобы он не рассказал о них полиции!

Губы девушки задрожали, она плюхнулась на стул и опять зарыдала, закрыв лицо руками.

– Получается, это из-за меня? Из-за меня его убили! Ведь он хотел, чтобы я не нуждалась в деньгах... Он пошел на преступление из-за меня! Но совесть удержала его в последний момент. И вот – расплата... Боже мой, какой ужас...

Ардов выждал паузу.

– Скажите, а вы видели кого-то из тех негодяев?

– Фальшивомонетчиков? Никого...

Спохватившись, Глебова вскочила:

– Нет, одного мельком видела, – проговорила она с готовностью, вытирая платком глаза. – Худой, лысый, моего примерно роста. Подбородок чуть снесен в сторону, а вот здесь шрам... – Глебова ткнула себе под нижнюю губу, указывая местоположение шрама, – такой... в виде треугольника.

Глава 11

Первая версия

Каморку Крючина в Щепяном переулке по требованию чинов полиции отомкнула хозяйка, проживавшая тут же, на кухне. Сдачей неказистых комнат вдова надворного советника выгадывала себе лишнюю копейку на жизнь. Ничего полезного о постояльце она сообщить не сумела: уходил рано, возвращался поздно, девушек не водил. Даже кипяток не всякое утро спрашивал. Человеком был сдержанным, малообщительным. Однажды надавал тумачу младшему дворнику Гринякину за то, что тот в пьяном виде сбросил с лестницы кошку на голову постоялице из комнаты во втором этаже. Перепуганное животное сильно оцарапало лицо девушке, даже доктора приглашали.

Таких историй у хозяйки оказалось с избытком, и она с готовностью принялась живописать угрюмый быт дома. Не сразу, но все же ее удалось выпроводить.

Вещей в камере оказался минимум: топчан, покрытый одеялом, пустой одежный шкаф, грубо сколоченный стол с табуреткой да этажерка с книгами. Керосинка почти пуста.

– Как видно, наш Крючин был совершеннейшим аскетом, – пробормотал Илья Алексеевич.

– Не понимаю: он успел приступить к работам для этих блинопеков[16 - Блинопек – фальшивомонетчик (блатн.)] или отказался не начиная? – Жарков пытался уточнить обстоятельства, предшествовавшие смерти молодого человека. Он перебирал имевшееся на столе химическое оборудование, которое, впрочем, было столь примитивным, что говорить о каких-то серьезных изысканиях не приходилось.

– Из показаний Глебовой этого понять не удалось, – ответил Илья Алексеевич.

– Как она вам вообще показалась? Есть миндаль?

Упоминание миндаля не было странным. Ардов обладал редким расстройством перцепции, при котором сигналы для одних сенсорных зон вполне могли отозваться раздражением в других. В частности, звуки для Ильи Алексеевича имели свои цвета, а зачастую и вполне выраженный вкус. Нет-нет да и называл он выкрашенный зеленой краской забор «соленным», а гудок парохода «портером», имея в виду вкус английского пива, которое однажды подали у Баратовых для запивания устриц.

С этими внезапными вкусовыми фейерверками во рту Ардов вполне наловчился справляться, используя в особо сильных случаях микроскопического размера пилюльки, которые носил в трех стеклянных колбочках, закрепленных в наручи на левом запястье. В каждой колбочке был особый вкус, который применялся сообразно букету, образовывавшемуся на языке и становившемуся нестерпимым. Что до горечи миндаля, то она растекалась по языку чаще обычного и, как правило, дополняла основной вкус, вызываемый голосом собеседника. Как уже давно сумел отметить Ардов, миндаль сопровождал беседу с человеком, который по какой-либо причине вел себя неискренне. Выглядело это совершеннейшей сказкой, и сам Илья Алексеевич долгое время отгонял от себя такую оценку собственных свойств. Ну нельзя же, в самом деле, всерьез верить, будто бы кто-то в состоянии чувствовать вкус неправды буквально на языке! –

вполне разумно убеждал себя сыщик. И тем не менее раз за разом он имел возможность убеждаться, что привкус миндаля появлялся во рту неспроста. Профессор Лунц, долгое время наблюдавший Ардова в швейцарской клинике, сделал предположение, что слова, осознаваемые человеком как лживые, сообщают голосу особые вибрации, в чьем бы исполнении они ни звучали. Вот на эти-то неуловимые вибрации якобы и отзывались непроизвольным образом вкусовые рецепторы во рту Ардова.

Конечно, сделать из этого свойства особый расследовательский инструмент сыщик не мог: человеку едва ли не во всякий момент есть нужда скрывать правду о чем-либо, и далеко не всегда это связано с преступлениями. Поэтому горькая слюна, частенько наполнявшая рот Ильи Алексеевича, сама по себе не могла служить сколько-нибудь весомым аргументом при опросе свидетелей или подозреваемых.

– Есть... И много... – отозвался Илья Алексеевич после некоторого раздумья, словно припоминая ход разговора с Глебовой.

– Вообще, выглядит все это странно, – поделился сомнениями Петр Павлович. – В изготовлении фальшивых денег решающую роль обычно играет художник: если у тебя нет толкового рисовальщика, то и затеваться не стоит.

– Может, у них есть? – предположил сыщик.

Если не исключать Глебову из числа подозреваемых, то можно было бы предположить, что именно она и попыталась сколотить шайку блинопеков: подбила в художественном училище кого-нибудь из будущих художников, стали экспериментировать с материалами, решили привлечь кого-нибудь со знаниями о составе и строении веществ, она отыскала и охмурила Крючина... При всей слезливости, которую показала Глебова при знакомстве, воля в ней чувствуется железная... Единственное, что не имеет объяснения в этой версии, – зачем она сама заговорила про фальшивомонетчиков?

– В том-то и дело, что краской этот рисовальщик обыкновенно сам и занимается! – продолжал тем временем Жарков. – И краской, и бумагой, и всеми этими водяными знаками... Это и есть его секрет, его ноу-хау, за это его в преступном мире и ценят. Понятно, при крупных партиях он берет себе подмастерьев, но обращаться в таком деле за услугой к случайному человеку –

верх неосмотрительности.

- Может, новички? - предположил Илья Алексеевич.

- Уж больно дерзко ведут себя для новичков, - опять не согласился Жарков. - Впрочем, если наш студентик пригрозил сообщить об их изысканиях в полицию, пожалуй, со страху могли и расправиться...

- А если обратились не к Крючину, а к самому Горскому? - продолжил искать зацепки Ардов. - Тот посвятил в дело учеников, а Крючин не счел возможным участвовать в преступлении.

- Нет, это невозможно. Вы помните, что говорил этот заика, второй помощник профессора? Будто бы он застал Крючина за тайным изготовлением некоей субстанции.

- Ну, это избавляет от подозрений самого Аладьина, но еще не создает алиби Горскому. Насколько я могу судить, профессор относился к Крючину с большим доверием. Аладьина могли и не посвящать.

- Хм... - потер подбородок Петр Павлович. - Такого, пожалуй, исключать не стоит...

- Не говоря уж о том, что ваш алхимик может и сам выступать инициатором подделки банкнот. Без всяких тайных заказчиков. С золотом не получилось, а убытки покрывать надо.

- Верится с трудом, но проверить необходимо, - согласился Жарков.

Договорились, что Петр Павлович сейчас же нанесет визит бывшему учителю, а Илья Алексеевич отправится в участок, чтобы получить у пристава прошение о допуске к ознакомлению с делами фальшивомонетчиков в полицейском управлении - нет ли у кого из уже известных полиции блинопеков описанных Глебовой примет: скошенный подбородок и шрам в виде треугольника.

Глава 12

Баронесса фон Крюденваль

В участке продолжалось размеренное течение жизни. Перед Облауховым сидел молодой человек в залатанном армяке с клочками растительности на лице. В ногах у него валялась пыльная котомка, а на коленях покоился инструмент, по виду напоминавший гусли. Как удалось установить в ходе допроса, тверской мещанин Жмыхов наловчился импровизировать в стихах целые поэмы и рапсодии о народной жизни, за что получал лестные отзывы у себя в волости. Возомнив себя новоявленным Баяном[17 - Баян - древнерусский сказитель, персонаж «Слова о полку Игореве».], Жмыхов явился в столицу с намерением удивить сильных мира сего своим талантом и за то быть от них взысканным милостынями. Был задержан городовым Пампушко за беспокойное обращение к высокопоставленным особам Государственного Совета, которых пытался заинтересовать своим мастерством у ступеней Мариинского дворца.

За соседним столом околоточный надзиратель Свинцов и чиновник Африканов возились с новорожденным младенцем, доставленным в участок дворником Анциферовым. Ребенок был обнаружен на пороге квартиры канцелярского служителя Алябьева с приложенной запиской «Рождень 20-го сего апр?ля, крещень, имя Георгій». Очевидно, расчет несчастной матери, вынужденной обстоятельствами отказаться от собственного дитяти, был на бездетность супругов Алябьевых, но, как видно, оказался несостоятельным. Вызванная в участок управительница воспитательного дома госпожа Горбатова наотрез отказалась принимать ребенка ввиду отсутствия в заведении свободных мест.

- И так кормилиц не хватает, - стойко отбивалась она от нежелательного пополнения.

- Ничего, - стоял на своем Свинцов. - Отдадите в деревню, у вас на то и ассигнования имеются.

Действительно, администрация сиротского дома имела право отдавать младенцев на попечение в крестьянские семьи за плату 3 рубля в месяц.

– За что ж такое наказание бедненькому, – изобразила сострадание Горбатова, – известно же, как им там несладко живется.

– Авось не хуже, чем у жулья, – урезонил управительницу Свинцов, очевидно намекая, что имеются слухи, будто бы младенцы из ее сиротского дома нередко оказываются в руках уличных попрошайек, которым служат подспорьем для выманивания денег у сердобольных граждан.

– Совсем забыла, – изобразила озарение Горбатова. – У меня же аккурат вчера помер один! Как раз освободилось местечко.

– Так-то лучше, – резюмировал околоточный.

В общей зале у себя за столом старший помощник пристава фон Штайндлер выслушивал баронессу фон Крюденваль. Она на днях хотела сделать взнос в сберкассу в размере 100 рублей под 4 % годовых, но там объявили все четыре 25-рублевки фальшивыми и принять отказались. Баронесса выложила на стол перед штабс-капитаном злополучные купюры.

– Вот как? – оживился фон Штайндлер, еще не понимая, куда вывернет это дело. – Откуда же у вас эти билеты?

Испытывая некоторую неловкость, дама призналась, что билеты были оставлены ей покойным супругом, о чем она узнала при весьма загадочных обстоятельствах – усопший сам указал ей местонахождение ассигнаций через французскую прорицательницу, способную вступать в собеседование с душами мертвых.

Ардов почувствовал на языке вкус тамаринда. Он стоял у чайного стола и давал поручение филеру Шептульскому наладить наблюдение за натурщицей художественного училища Глебовой – установить место проживания, круг общения и прочее. Неожиданный прилив кисло-сладкого вкуса вынудил его оглядеться, чтобы понять, чей голос стал тому причиной. Приметив за столом Штайндлера посетительницу в шляпке с вуалью, он мысленно вернулся на пару минут назад.

«Выиграл, говорит, в карты да и забыл, куда сунул, – услышал он слова баронессы, сказанные только что. – А здесь, говорит, все вспомнил. Слава богу, говорит, что мадам Энтеви помогла вступить в сношение с тобой, душа моя...»

– Когда вы были на сеансе? – обратился Илья Алексеевич к посетительнице, хотя прекрасно помнил из рассказа княгини Баратовой, что та встретила баронессу в медиумическом салоне 9 апреля.

Старушка подтвердила дату.

– Банкноты были помещены под цветочный горшок, не так ли?

Присутствующие, включая пострадавшую, не смогли сдержать удивления столь невероятной осведомленностью Ардова.

Он взял купюры и повертел в руках. В тот же миг его голову облепил рой отвратительно жужжащих комаров. От неожиданности Ардов даже несколько раз взмахнул рукой, желая отогнать мерзких насекомых.

Такому нашествию воображаемого гнуса Илья Алексеевич подвергался всякий раз, когда сталкивался с обстоятельствами, связанными с убийством отца. Желание отыскать убийцу и привело Ардова на службу в третий участок Спасской части. Два года назад ему удалось изловить не только прямого исполнителя жестокой расправы, но и стоявшего за ним пупенмейстера[18 - Пупенмейстер – кукловод (устар.)], спланировавшего то кровавое злодеяние (и не только его). Правда, если убийцу, которым оказался актер оперетты Соломухин по кличке Солома, получилось схватить и предать в руки правосудия, то вот зачинщик тогда сумел ускользнуть из расставленных Ардовым силков в самый последний момент. Ушел он и в следующий раз, спустя полгода, когда из-за своих криминальных интересов сорвал поездку сборной команды русских олимпийцев на первые Олимпийские игры в Афинах. С тех пор Илья Алексеевич не оставлял надежды снова выйти на след негодяя, желая завершить дело возмездия. Звали этого беса Карл Мервус. Имя было фальшивое, но именно под ним его опознавали как главу криминального мира столицы и предпочитали идти на каторгу, лишь бы не сболтнуть на допросе чего лишнего об этой черной личности, дабы не накликать на себя ее гнев. Мервус был хитрым, изворотливым, безжалостным преступником, обладавшим неумемной извращенной фантазией и неограниченными возможностями для ее воплощения.

Но с чего сейчас возник этот комариный хор? Ардов присмотрелся к баронессе – ничего подозрительного в ее облике не обнаружилось. Сыщик перевел взгляд на банкноты в своих руках и вновь почувствовал зуд на лице, как если бы его

облепили насекомые-кровопийцы. Ну конечно! Купюры по виду напоминали такие же, в количестве нескольких миллионов изготовленные по заказу Мервуса за границей и ввезенные в Россию в 1892 году. Именно эта партия фальшивых кредитных билетов стала причиной смерти Алексея Арсеньевича Ардова, служившего в то время главой комитета при Казначействе. Купюры были старого образца, но все еще имели хождение и постепенно выводились из оборота.

Как эти ассигнации оказались в доме баронессы? Не исключено, что мадам Энтеви каким-то образом связана с Мервусом. Княгиня права: надо бы повидать эту чревоушательницу и составить о ней впечатление.

– Я займусь этим делом, – сказал Ардов и отправился по коридору в кабинет начальника участка майора Троекрутова.

Штайндлер хотел было что-то возразить, но не успел придумать подходящей колкости и потому, задержав воздух, выпустил его из легких свистящей струйкой.

– Ничем не могу помочь, – сказал он баронессе, захлопывая папку. – У нас тут, как видите, есть уникамы.

– Фальшивомонетки? – удивился Евсей Макарович, выслушав просьбу чиновника сыскного отделения. – Зачем они вам? У вас же студента убили. Или вы, Илья Алексеевич, новое дело себе нашли?

– Есть вероятность, что Крючина убили именно они, фальшивомонетки.

– Зачем он им сдался?

– Не исключено, что он делал им краску для ассигнаций, а потом решил с ними порвать.

– Вот как... – пристав в задумчивости поворошил пышные свои бакенбарды. – Краску тоже на нашем участке делали?

- Место пока не установлено.

- Нам только фальшивомонетчиков не хватало, - пробурчал Троекрутов, ставя размашистую подпись на прошении, которое от его имени заранее подготовил по просьбе Ардова письмоводитель Спасский.

Глава 13

Сок сомы

- Как вы могли такое подумать? - вспыхнул Горский, как только Жарков изложил имеющиеся подозрения насчет краски; сделал он это без всякой деликатности, что и вызвало эмоциональный всплеск у профессора. - Вам не стыдно? Явились ко мне и оскорбляете отвратительными подозрениями.

- Я не это имел в виду, - стушевался Петр Павлович. - Неправильно выразился... Я хотел узнать, не мог ли, на ваш взгляд, Крючин заниматься чем-то противозаконным у вас в лаборатории без вашего ведома.

- Каким это образом? - холодно поинтересовался все еще раздраженный Горский.

- К примеру, в ваше отсутствие... - предположил Петр Павлович.

- Нет, - отрезал ученый.

- То есть вам про это ничего не известно?

- Ничего.

Разговор не складывался.

- Могу я осмотреть оборудование?

– Бред! – выкрикнул Горский. – Абсурд и бред! Как вы себе представляете изготовление этой краски? Он всё время был у меня на виду! У него и без того забот было через край. Вы хоть представляете себе, чем мы здесь занимаемся?

– Трансмутацией металлов, – выпалил Жарков.

И не ошибся. Прищурившись, профессор с интересом уставился на криминалиста.

– Все-таки вы не напрасно посещали мои занятия, Жарков, – сказал он примирительно и отправился к очагу, в пламени которого лежал раскаленный шар. – Я на пороге величайшего научного открытия, которое осчастливит человечество!

Горский не отрываясь смотрел на глиняное ядро, из трещин которого вытекал дымок. Жарков подошел следом.

– На овладение этим искусством мне понадобилось тридцать лет. Тридцать лет на воде и хлебе, тридцать лет размышлений и экспериментов. Как вы, наверное, знаете, в книгах даны намеренно искаженные формулы, – Горский махнул рукой, указывая на ряды старинных манускриптов на полках. – Мне удалось их исправить путем проб и ошибок. Сок сомы! Это был самый сложный элемент формулы. К счастью, судьба подарила мне встречу с индийским раджей, он доставил из Индии растения, которых не найти в России.

Жарков обратил внимание на стоящее на столе фото, где профессор был изображен в компании господина с завитой бородой в костюме индийского раджи.

– Юрий Александрович, вам необходимо заявить об этом эксперименте в Третье управление, – аккуратно начал Жарков.

– Жандармам? Зачем это еще? В моих занятиях нет ничего противозаконного.

– Это опасно.

– Помилуйте, о какой опасности вы говорите?

– Если ваша формула попадет в нечестные руки, вместо счастья для всего человечества может случиться катастрофа!

– Не беспокойтесь, – самодовольно отозвался профессор. – Всей формулы в записанном виде не существует. Тайна приготовления главного ингредиента хранится вот здесь, – он постучал пальцем по лбу.

– Сок сомы?

Профессор кивнул, не отрывая взгляда от шара.

– Юрий Александрович, зачем? Зачем вам это золото?

Ученый наконец оторвался от лицезрения очага и обратил взор к посетителю. Вид у него был растерянный, глаза моргали. Похоже, прозвучавший вопрос уже не однажды возникал у него в голове, но всякий раз профессор гнал его, не желая давать честный ответ.

– Странный вопрос... – сказал он. – Я не могу больше ничего делать. Да я и не хочу.

– Но какой от этого прок? – не отступал Петр Павлович. – Может ли золото вернуть жизнь? Молодость? Может ли сделать счастливым? Вы стали его рабом.

– Возможно, вы правы, мой друг... – пробормотал профессор и опустил на стул. – Кажется, я не в силах противиться ему...

В прихожей послышался шум, и в лабораторию вошел Аладьин с корзинкой, набитой нехитрой снедью.

– Ну что же вы так долго? – к Юрию Александровичу вернулась былая бодрость. – Прошу меня извинить, – поклонился он Жаркову, – я вынужден вернуться к опыту.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Шарль Робер Рише (1850–1935) – французский физиолог, исследователь спиритизма.

2

Елена Блаватская (1831–1891) – религиозный философ, считала себя избранницей неких духовных учителей (махатм), от которых получала знания.

3

Сергей Витте – министр финансов (1892–1903), осуществил введение в России денежной системы «золотого стандарта» (1897).

4

Мария Милославская – первая жена царя Алексея Михайловича.

5

Сергей Соломко – популярный в то время рисовальщик боярского прошлого России.

6

Петр Боборыкин – самый плодовитый русский писатель XIX века.

7

Тамаринд – экзотический фрукт семейства бобовых.

8

Пирронизм – учение древнегреческого философа Пиррона из Элиды, основателя античного скептицизма.

9

А там долго ли? (укр.)

10

Заушение – оскорбление (устар.).

11

Мадригал – вокальное сочинение для одного голоса.

12

Додекаэдр – объемная геометрическая фигура из 12 граней.

13

Периандр – древнегреческий мудрец.

14

Эмансипе – женщина, отстаивающая равные с мужчинами права.

15

Пластрон – манишка.

16

Блинопек – фальшивомонетчик (блатн.).

17

Баян – древнерусский сказитель, персонаж «Слова о полку Игореве».

18

Пупенмейстер – кукловод (устар.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/lebedev_igor/formula-alhimika

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)